

Ашкеров А. Ю.*

Неориенталистские мотивы в жизни и творчестве Эдварда Саида

Ни одна другая работа Эдварда Саида не принесла ее автору такой известности и признания, как «Ориентализм». Вышедшая в Соединенных Штатах в 1978 г., эта книга была впоследствии переведена более чем на тридцать языков и выдержала множество официальных и даже нелегальных переизданий. Более того, несмотря на то, что до «Ориентализма» Саидом было выпущено около двух десятков книг и множество статей, в восприятии многих он в первую очередь остается автором одной – именно этой – книги (иногда, правда, к ней добавляется, вышедшая значительно позже и тоже оказавшаяся в фокусе значительного публичного внимания работа – «Культура и империализм»).

1

Для нашего читателя как тексты Саида, так и его фигура, остаются малоисследованными (хотя сам автор «Ориентализма» ожидал перевода своей книги на русский язык едва ли не с начала 1990-х гг.). Все, что известно у нас о Саиде среди тех, кого обычно относят к «широкому кругу читающей публики», укладывается в небольшой реестр критических отсылок к представителям так называемой «постмодернистской» антропологии, содержащихся в относительно небольшом количестве отечественных и переводных работ (к числу которых принадлежит и один очень критичный по отношению к Саиду академический учебник¹). К этому реестру можно присовокупить и несколько (в основном переводных) публицистических статей, где его называют то «палестинским Солженицыным», нестигаемо и честно служащим Идеалу, то «профессором террора» и «человеком Ясира Арафата», не скрывая откровенной неприязни, вызванной выступлениями Саида по поводу Ближневосточного вопроса и будущего государства Израиль.

Полярность уже этих высказываний позволяет сделать вывод, что Саиду удалось добиться того, чего хотели практически все без исключения западные интеллектуалы-шестидесятники: он стал полноценной политической фигурой, известной отнюдь не только в узких академических кругах. Вместе с тем, его кредо всегда составляла деятельность, связанная с преподаванием и научными исследованиями – так что Саид может считаться образцом ученого, не просто сумевшего соединить науку с активностью в политике, но и доказать, что наука, выбором которой становится отвага и бескомпромиссность, требует настоящего политического мужества.

Иными словами, в чем-то Саид сильно отличается от западных интеллектуалов (даже от таких именитых предшественников как, например, *Жан-Поль Сартр* и *Бертран Рассел*), которые известны своей политической ангажированностью и сделали манифестацию собственных взглядов чем-то вроде ритуального атрибута общения с публикой. Отличие это заключается в том, что, подобно *Мишелю Фуко* и *Жилью Делезу*, автор «Ориентализма» отказался фигурировать в качестве «совести нации» и олицетворять «сознание» для мнимо не осознающей себя «массы» (это, кстати сказать, делает несколько натянутой аналогией с Солженицыным, для которого исполнение подобных ролей стало чем-то вроде привычного актерского амплуа²). В сравнении же с новомодными «экспертами» и «консультантами»

* Ашкеров Андрей Юрьевич, кандидат философских наук, руководитель образовательной программы «Философия политики и властных отношений»

© Ашкеров А.Ю., 2002

© Центр фундаментальной социологии, 2002

¹ Лурье С. В. Историческая этнология. – М.: Аспект-пресс, 1998.

² Так, в частности, называется интересная и эмоциональная статья Веры Райдер (апрель 2002), которая размещена на интернет-портале «Идан Хадаш», созданном для некоммерческих организаций Израиля.

Саид выделяется тем, что не просто ангажирован политикой как ученый, а заставляет политику ангажировать научное знание, попутно подталкивая интеллектуалов относиться к ней как к особой политике.

Это отношение Саид формулирует в терминах, показывающих, что он равным образом удален и от программ сохранения верности сартрианским заветам по политизации интеллектуалов, и от программ обеспечения поистине бюрократической «нейтральности» ученых-функционеров, ведающих таинствами экспертной оценки и консультационных рекомендаций. Саидовское определение интеллектуала политично не потому, что он ставит науку на службу политике и/или делает ее разновидностью интеллектуального сервиса, а потому, что превращает политику в союзницу отстаивания автономии научной деятельности. Несколько парадоксальным образом для Саида интеллектуал – это дилетант, пренебрегающий императивами экономического и политического рынка и *занимающийся тем, что с наивностью и ненавязчивостью подсказывает ему его спонтанный интерес.*

И все же, несмотря на приобретенную известность, Э. Саид принадлежит к числу еще почти не открытых в России интеллектуалов, а исследование его работ остается одним из незаполненных белых пятен нашей российской гуманитаристики. Именно поэтому, прежде чем приступить к анализу одной из них, стоит кратко упомянуть о саидовской биографии, наполненной массой обстоятельств, красноречивых и значимых – вовсе не с точки зрения метафорики, а с точки зрения *практики* – для понимания его текстов. Особенно важно рассказать об этом, когда едва ли не любой выходец с Востока куда с большей вероятностью может ассоциироваться с террористом, нежели с человеком, соединяющим в себе таланты кропотливого ученого и трезвого политика³.

2

Эдвард Саид родился в 1935 году и принадлежит к поколению *Мишеля Фуко, Юргена Хабермаса, Ноама Хомского, Пьера Бурдьё, Жака Деррида, Жана Бодрийяра, Юлии Кристевой, Филиппа Лаку-Лабарта, Жан-Люка Нанси.*

Трудно не увидеть некий символ в том, что местом рождения Саида (пятого ребенка и первого мальчика в семье) явился Иерусалим. Не менее символично и то, что семья Саидов исламу предпочла *христианство*. (Однако подобный символизм, как мог бы сказать сам Саид, возник *post factum* в ходе произошедших впоследствии событий, а не в результате предзаданности индивидуальной и коллективной судьбы, выражающей магическое влияние места, сделавшегося для человека Родиной, или религии, воспринимающейся как «вера отцов»).

Родственники Саида были из числа преуспевающих, и вслед за отцом, вынужденным совершать частые деловые поездки в Каир, жили наездами в столице Египта. После одной из таких поездок Саиды уже не вернулись на Родину, в свой дом в иерусалимском квартале Тальбийе. Причиной тому явилась победа Израиля в войне за независимость 1948 г.

В каирский период юный Саид заканчивает местную школу для американских детей и поступает в Викторианский колледж, однако вскоре, в 1951 г., отправляется на учебу в Америку. После окончания одной из закрытых школ в Новой Англии (где, помимо, всего прочего, развивает и свои способности пианиста) он, будучи принят одновременно в Принстонский и Гарвардский университеты, вначале избирает Принстон, а затем в течение нескольких лет учится в Гарварде. Тем временем для семейного бизнеса Саидов в Египте наступают тяжелые времена – компания отца оказывается в руках египетского правительства во главе с Г. А. Насером, задумавшим строительство «арабского социализма». Семья Саидов перебирается в Ливан. Эдвард, какое-то время пробывший вместе с семьей в Каире, возвращается в Соединенные Штаты. Он продолжает обучение в Гарварде на протяжении

³ От подобных предрассудков не застрахованы и интеллектуалы, имеющие самую широкую известность. К их числу странным образом принадлежит и С. С. Аверинцев, в какой-то непререкаемо архаичной манере сетующий на то, что на Востоке не хватает «людей совести» и восточной цивилизации недостает, в частности, фигур, типа А. И. Солженицына [см. об этом свидетельства Веры Райдер в ее уже цитировавшейся статье].

пяти лет, готовя диссертацию о Дж. Конраде. В 1960-х он уже молодой преподаватель Колумбийского университета.

Занятия литературоведческим анализом вовсе не были (и не являются до сих пор) каким-то маргинальным увлечением ученого. Напротив, они на всю жизнь предопределили и оформили саидовское софистичное внимание к языковому выражению идентичности, к взаимосвязи между высказыванием и созданием/обретением себя. В самом начале творческого пути Саид публикует книгу «Джозеф Конрад и Вымысел автобиографии» (1966), в которой исследует взаимосвязь между беллетристикой и мемуаристикой. Много позже для зрелого Саида эти темы вновь соединятся друг с другом, когда чувствительность к слогу и стилю, проявленные в его автобиографии, послужат поводом, чтобы ее автор был назван критиками способным к «почти прустовской» передаче ощущений.

Однако, в 1960-е гг., когда материал для будущей автобиографической книги только собирался, произошло событие, повлиявшее на всю его жизнь: в 1967 г. разгорелась арабо-израильская война. Разгромив за семь дней армии Египта, Сирии и Иордании Израиль оккупировал Восточный берег, сектор Газа, Голанские высоты и Синайский полуостров. Позднее Саид констатирует, что семидневная война воплотит для него все случившиеся потери, став олицетворением утраченного мира юности. Она перевернула всю его жизнь, заставив сделаться совсем другим человеком... Этот конфликт, бесспорно, повлияет также и на научные занятия Саида – темы, вокруг которых будет построено повествование «Ориентализма», начинают становиться достоянием его рассуждений уже тогда, во второй половине 1960-х гг. Тогда же начинают рождаться и первые тексты, символически и хронологически предваряющие «Ориентализм». Однако непосредственным результатом военного кризиса 1967 г., избавившего Саида от кризиса индивидуальной идентичности, сам он считает свою вторую книгу «Начала».

Это в полном смысле слова литературоведческий труд. Он посвящен современному роману и, в частности, таким его творцам, как Томас Манн и Марсель Пруст. Однако известный специалист по семиотическому анализу исторических текстов Х. Уайт совсем не случайно назвал данное саидовское произведение «политической аллегорией»: внимание автора концентрируется на проблеме преодоления сложившихся повествовательных форм, связанной с освобождением от власти традиций, с ниспровержением авторитетов, нарушением канонов, преодолением условностей. Тогда же в конце 1960-х выходит книга Саида «Палестинский опыт» (1969), которая считается одним из наиболее ранних исследований его в жанре социально-политической теории.

С начала 1970-х Саид все более известен как активно публикующийся палестинский интеллектуал. Его тексты появляются на французском, английском и арабском языках. Он размещает свои статьи на страницах «Нью-Йорк таймс», «Ньюсуик», «Монд». В 1975 г. Саид выступает на заседании американского подкомитета по международным делам, где заявляет, что палестинцы превращены в категорию людей, обреченных чувствовать себя чужаками в своей стране. В 1976 г. ему вручают награду Колумбийского университета за текст «Начал», а год спустя он получает должность профессора английской литературы и сравнительного литературоведения. В 1978 г. выходит «Ориентализм» и, вслед за ним, в 1979 г. – «Палестинский вопрос», продолжающий и конкретизирующий темы первой книги. Комментарии Саида к этим двум книгам печатаются в газете «Нью-Йорк таймс» и журнале «Тайм», вызывая интерес самой широкой читательской аудитории.

В это же время его присутствие в США оказывается полезным для Палестинского национального совета, независимым и беспартийным членом которого он избирается. Однако сотрудничество с этой организацией и Ясиром Арафатом оказывается недолгим. Не приемлющий национализм Саид быстро разочаровался в решениях, связанных с возможно неизбежной, но от того не менее пагубной эскалацией арабского этноцентризма, которая уже тогда была чревата восприятием террористических вылазок и диверсий как самого надежного инструмента политической борьбы. На протяжении 1980-х и 1990-х гг., критикуя

разом и арабов и израильтян, Саид выбирает позицию, в равной степени требующую как интеллектуального, так и политического мужества.

Содержание этой позиции состоит в том, чтобы оказать сопротивление неявному и, разумеется, никогда не признаваемому конфликтующими сторонами *сообщничеству*, которое заключается в избрании *одинаково* этноцентристских стратегий самоопределения и взаимодействия друг с другом. Конечно же, как арабские, так и израильские сторонники подобных стратегий поспешили причислить Саида к когорте врагов своих народов. Арабы-экстремисты увидели в нем проамерикански настроенного предателя «общего дела», «высоколобого двурушника» и «религиозного отщепенца», израильские экстремисты – интеллектуализированного камикадзе и скрытого пособника интифады, действующего исподтишка и оснащенного вместо взрывчатки арсеналом современной риторики.

В 1980-е – 1990-е гг. выходят его новые книги – не только о феномене идентичности, ее проявлениях и генезисе, но вновь о литературе, критике и даже музыке: «Литература и общество», «Простирающийся Ислам», «Мир, текст и критика», «Обвинение жертв», «Музыкальное творчество», «Культура и империализм», «Политика отчуждения», «Репрезентации интеллектуала», «Перо и меч», «Без места: воспоминания», «Конец мирного процесса», «Размышления об изгнании» и другие.

* * *

На протяжении последних 12 лет Саиду пришлось освоить еще один вид сопротивления – смертельной болезни. В течение всего этого времени он живет с диагнозом «лейкемия» и под гнетом развившейся на ее фоне раковой опухоли. Однако больничные палаты, как и многие другие места в мире, не стали для него местом, где он задерживается надолго. Идя на эксперименты с новыми формами химио- и лучевой терапии, Саид старается сделать свое пребывание в стенах медицинских учреждений как можно более кратким, вновь спеша отправиться читать лекции, давать интервью, писать новые тексты. Не позволяя себе длительных остановок, он давно доказал, что сегодняшняя его жизнь не менее, а, быть может, и более интенсивна, чем это было раньше...

3

Как вспоминает сам Саид, 1975-1976 гг., время, когда писался «Ориентализм», было если не самым счастливым, то, во всяком случае, одним из самых спокойных в его жизни. Текст писался на одном дыхании и сразу оказался в положении любимого детища (тут же зажившего, впрочем, своей жизнью). Самостоятельная жизнь саидовской книги, вся судьба которой представляет собой цепочку довольно полярных интерпретаций, связана с тем, что буквально в одночасье она породила как огромное количество подражаний, так и несметное количество кривотолков.

Иными словами, «Ориентализм» – из числа книг, которые не просто приносят автору успех, но и делают его заложником идей и представлений, которые в них содержатся. Еще точнее – заложником интерпретаций, стремящихся стать всеобъемлющими и претендующих на то, чтобы явиться свидетельством исчерпывающего проникновения «в самую суть» авторских построений и концепций. Особенно часто такого рода заложниками оказывались те, кто предлагал в своих произведениях образцовую теоретическую и/или критическую программу. (Именно так Карл Маркс стал в свое время «отцом» марксизма как науки обретения свободы, понимаемой как «осознанная необходимость»; Зигмунд Фрейд – «отцом» психоанализа как науки приведения индивидуальных комплексов к стереотипным семейным ситуациям; Клод Леви-Строс – «отцом» структурализма как науки обнаружения структурных характеристик в бессвязных, казалось бы, отношениях, и т. д.).

Что касается Саида, то если в глазах некоторых ему и выпало превратиться в столпа антиориентализма, такого хулителя и ниспровергателя западного владычества, то само исполнение подобной роли он с самого начала снабдил чертами пародии. Это не значит, что он без достаточной доли серьезности подходит к критическому/теоретическому анализу

феномена, именуемого «Запад». Однако серьезность в его представлении совсем не предполагает готовность попасть в силки, которые сами себе расставляют некоторые критики «западного образа жизни», «западного экспансионизма», «западной агрессии» и т. д. Дело в том, что критико-теоретические конструкции, отрицающая мощь которых (со всей прямолинейностью, которую гарантирует наивность) направлена против «западной цивилизации», нередко связаны с отношением к «Западу» как некой надприродной сущности или, по крайней мере, природной данности. Более того, во всей этой отрицающей мощи присутствует (в негативной форме) сила, наделяющая «Запад» целостностью, незаблемостью, традицией, корнями и много чем еще, что без тени сомнения выставляется в качестве неоспоримого доказательства *субстанциальности* «Запада».

Одним из самых безобидных следствий подобного подхода становится то, что эссенциализм, заключенный в любых фундаменталистских и квазифундаменталистских воззрениях на историю, обрекает теоретиков, делающих его своим кредо, чрезвычайно скоро (если не прямо с момента начала их теоретических изысканий) самым банальным образом превращаться в *идеологов*. Существенно менее безобидным следствием выступает то, что эссенциалистской, в некотором отношении метафизической, *мистификации* подвергается сам исследуемый и критикуемый «объект». Если вдуматься, нет никакого парадокса именно в том, что Запад и Восток *ближе всего сходятся друг с другом*, когда кто-либо, выступая от имени Запада или Востока, в собственную защиту и/или с целью обвинить другого, настаивает на утверждениях в духе чеканной формулы *Редьярда Киплинга: «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и вместе им не сойтись»*. Не стоит, разумеется, винить метафизику в том, что, обосновав незаблемость подобного «*есть*», она стала виновницей ненависти, агрессии и неприятия. Другое дело, что ненависть, агрессия и неприятие (если не с неизбежностью, то с навязчивостью) облекаются в форму метафизику, полагаясь на опоры, которые она с готовностью предоставляет, возвращаясь к первоисточкам, на которые она указывает легкими движениями своего могущественного перста, наличествуя в том преисполненном собой горизонте присутствия, который она перед нами разворачивает как фокусник – свое покрывало. В каком-то смысле нет ничего разом и одновременно более западного и более восточного, иными словами, нет ничего более «*западно-восточного*», нежели эта метафизика, используемая как язык доминирования и превращенная в него.

Подход Саида состоит в том, чтобы оказать сопротивление любым стратегиям, связанным с тем, чтобы признать Ориентализм как нечто однородное, как теорию, облеченную в строгий наряд концептуальной системы, или, более расцветенное облачение системы мировоззрения. В то же время Саид противится и тому, чтобы Ориентализм был представлен как некая общая постановка вопроса, снабженная доходчивостью и однозначностью (столь милыми сердцу любого вдумчивого обывателя). Чем бы не оправдывались подобные стратегии и в какой бы форме они не представляли, – будь то по научному беспристрастные кабинетные разыскания, романтизированные полевые исследования или же проникнутые духом экзотики заметки путешественника, они всегда замешаны на стремлении скрыть, сделать невидимым и неявным то, что в них всегда содержится пусть малая, но значимая и важная толика доминирования, с которым они связаны и в поддержании которого участвуют с часто безотчетной и потому еще более «фатальной» неизбежностью. Однако форма, еще точнее, способ такого рода сокрытия наиболее откровенно демонстрирует себя в тех метафизических допущениях, на которых строится и повествование о дальних странствиях, и сухой отчет, суммирующий научные наблюдения. Подобное утаенное доминирование, заявленное одновременно и как претензия и как техника, дает о себе знать, соответственно, и в «сугубо научных», и в «чисто литературных» или «чисто философских» текстах.

4

Саид изначально берет на себя роль интерпретатора, обрекая тех, кто приписывает ему тайную верность дихотомии Запада и Востока, на вовлечение в игру, ставкой в которой

выступали бы сами эти категории. Говоря иначе, Саид осознанно старается встать на сторону тех авторов, произведения которых, давая провоцирующий повод для интерпретации, изначально как бы и создаются для того, чтобы быть включенными в бесконечную серию прочтений, разрушающих прерогативы фундаментальных (фундаменталистских) основоположений. При этом и сама подобная «интерпретативность», и весь ход соответствующих герменевтических процедур, связанных с тем или иным произведением, предполагал минимизацию персоны автора. Функции последнего сводятся лишь к тому, чтобы, провоцируя эффект домино, служить аналогом той первой падающей костяшки, что увлекает за собой все остальные, концентрируя на себе колебания взаимоотрицающих или, напротив, совпадающих друг с другом истолкований. (Неважно, что совпадения при этом могли только усиливать противоположность тех, кто выдвинул, по видимости, сходные суждения, а противоположность заведомо несхожих суждений могла, напротив, указывать на близость конфликтующих интерпретаторов, и таяла на глазах).

Минимизация авторской воли – не случайный выбор, связанный с логикой теоретической конъюнктуры, уже по крайней мере с начала 1960-х гг. предписавшей порвать с «картезианской рациональностью» и решиться на безоглядное растворение субъекта, утянувшего за собой и фигуру автора-творца. Автор-творец если и не умер тогда на самом деле, то, во всяком случае на довольно значительное время оказался достоянием многочисленных литературоведческих и философских некрологов (некоторые последователи тех, кто впервые провозгласил подобную постановку вопроса, описали эту «смерть» с дотошностью светских хроникеров, вопреки всем своим скептическим установкам отнесясь к ней как к несомненному факту). Для Саида минимизация авторской воли сопряжена с апористичной попыткой противопоставления монологичного знания полилогичному. Монологичное знание прежде всего ассоциируется им с Западом и всем, что связано на Востоке с избранием «западного» монологизма в качестве ответа на собственные поползновения последнего. Именно поэтому исследование эвристики полилогизма в противовес эвристике монологизма оборачивается критикой западной экспансии на восточном направлении. Анализ данной экспансии фактически совпадает с открытием той области, где информация и управление, познание и доминирование вопреки своему обыкновению обнаруживают почти очевидное родство. Оно обнаруживает себя под эгидой характерного метафизического совпадения интеллектуального схватывания и захвата, расширяющегося кругозора и империализма, всеобщности и повсеместной непреложности.

При этом Саид в равной степени далек, во-первых, от банальной констатации того, что нейтральность и беспристрастность научного дискурса являются не более чем злонамеренными фикциями, а, во-вторых, от не менее банальной противоположности данного подхода, замешанной на невнимании к соотношенности науки с властью. Иными словами, создатель «Ориентализма» кажется нам одним из тех, кто обнаруживает, вовсе не всегда вопреки нейтральности и беспристрастности, а иногда при их самом непосредственном участии, что научное знание не просто ангажируется властью, но и выступает наиболее изоциренным и наименее заметным ее проявлением.

Границы области, которые обозначаются в ходе экспансионистских наскоков и одновременно указывают на социально-исторические очертания самого экспансионизма, совпадают с границами (само)определяющегося «Запада», равно как и с границами (всегда?) определяемого «Востока»⁴. Это родство дает редкий по значимости повод для раскрытия сложной системы взаимосвязей внутри треугольника: «Запад» – наука – господство, поняв, в рамках исследования феномена Ориентализма, насколько сильно господство может нуждаться в научном знании и в какой мере научное знание может воплощать собой господство.

⁴ См. об этом также наши тексты «Восток» [Русский журнал; апрель 2002] и «Запад» (в соавт.) [там же; апрель 2002].

Саид ни в коей мере не принадлежит к числу тех, кто явился первооткрывателем данной проблемы, без рассмотрения которой невозможно себе представить современный французский постструктурализм и которая послужила для некоторых одним из оснований называть эту философию «постмодернистской». Вместе с тем, в отличие от Р. Барта создатель «Ориентализма» не ограничивает свое исследование околобахтинским анализом феноменов монологизма и диалогизма; в отличие от Ж. Деррида он отчасти избегает «деконструктивистского» анализа западной метафизики и поиска ее «эманаций» в различных культурах; наконец, в отличие от М. Фуко, с чьим именем совершенно справедливо ассоциируется наиболее детальное рассмотрение взаимоотношений власти и знания, Саид прибегает не столько к институционально-дискурсивному анализу, сколько к анализу, который можно назвать *гео- и этносоциальным*.

Сам автор склонен причислять себя скорее не к «постмодернизму», а к течению, которое появилось несколько позже и (не без активного участия саидовских текстов) стало называться «*постколониальным*». Будучи многим обязанным постструктуралистской мысли, оно, тем не менее, хранит определенную автономию, заключающуюся прежде всего в том, что «деконструкция» познающей субъективности совпадает здесь с бдительным самоанализом, замешанным на описании социального и культурного контекста, в котором возник и к которому причастен тот или иной автор, и, вместе с тем, принимает форму критики этноцентристских импликаций, явившихся достоянием социально-научного познания.

Позаимствовав у *Мишеля Фуко* тему взаимосвязи власти и знания, Саид смог рассмотреть Ориентализм как сложное *дискурсивное* выражение западной претензии на власть над Востоком, в ходе обоснования которой «Восток», во-первых, изначально превращается в диковинную «чистую доску», воспринимаясь не более как географическое понятие, то есть как «сторона света», а, во-вторых, оказывается – даже в своем качестве географической «данности» или «сущности» – конструкцией, возводящейся при участии целой системы соорганизованных друг с другом дискурсов: историко-этнографических, антропологических, административно-управленческих, моральных, экономических, государственно-политических, культурологических, литературных и т. д.

По-новому интерпретируя фукианскую тему «власть – знание», Саид дополняет ее понятием гегемонии, в истолковании которого он обращается к теоретическим изысканиям марксиста *Антонио Грамши*. Исследования Грамши служат для автора «Ориентализма» подспорьем в анализе того, как одни образы «Востока» подчиняют себе другие. Речь не идет о какой бы то ни было форме прямолинейного идеологического диктата, слишком очевидно бросающегося в глаза и чреватого слишком откровенным бряцанием доспехов, служащих облачением политической мощи. Речь идет о другом: чем весомее доминирование той или иной идеи, тем более скрытым, неявным и незаметным оно становится. Эта идея в буквальном смысле принимается по умолчанию, выступая достоянием обыденного здравого смысла, коллективного соглашения, принятого без обсуждения. Говоря по-другому, данная идея становится составляющей «духа» народа и/или умонастроения эпохи. В ней и одновременно посредством нее происходит утверждение самого господства как такового.

Именно такой «идеей» (а точнее, суммой взаимодействующих друг с другом идей) и явился *Ориентализм*. При этом трудность исследования подчинения Востока Западу заключается не в том, что нельзя раскрыть коды и фигуры, с помощью которых на Западе описывается Восток, а в том, что без этих кодов и фигур «Восток» (как, впрочем, и «Запад») может вовсе превратиться в некое слепое пятно нашего познания. До какой-то степени, как признает сам Саид, наш познавательный интерес к «Востоку» и «Западу», сопряжен с бесконечной чередой взаимных отражений первого во втором и второго в первом. Данные отражения сопрягают, в конечном счете, саму возможность исследования восточной и западной цивилизаций с их разграничением и даже противопоставлением.

Сопротивляться этому можно только поняв любой конкретный комплекс идей (коим и является *Ориентализм*) в качестве *исторического образования*, порожденного конкретным

соотношением концептуальных построений, различных как с точки зрения длительности своего существования, так и с точки зрения особенностей своего происхождения. Именно тогда исследование феномена *Ориентализма* с самого начала будет понято как теоретический жест, неизбежно связанный с его *конституированием*, а исследование взаимоотношений обществ и культур, входящих в конгломерат «Восток-Запад» – как опыт утонченного *самоанализа*.

Обе эти постановки вопроса и составили методологическое кредо Эдварда Саида.

* * *

Сказать, что Эдвард Саид предложил еще одну версию анализа в духе *мультикультурализма*, значит не сказать о нем почти ничего. Напротив, ему удалось превратить мультикультурализм *в то, чем он никогда не был*. А был он практикой создания причудливой коллекции из местных условий, национальных обычаев, культурных диковин, экзотических институций, в общем, – способом превращения всех и всяческих «специфичностей» в декоративное обрамление культурного, политического и экономического империализма. Этот империализм неизменно оказывался подкрепленным авторитетом, связанным с присвоением миссии по сохранению универсалий, в исполнении которой фактически отказывалось не-западным обществам и культурам. На их долю оставалось лишь изображение цветущей сложности, скроенной по однотипным лекалам пиршества братства народов на ниве бравурно осуществляемой вестернизации.

После саидовского «Ориентализма» многое изменилось с точки зрения политики сопротивления разнообразным формам гегемонии. Изменилось на основе того, что, как подметил его автор, самый искренний краеведческий интерес к культурной и социальной экзотике может незаметно оборачиваться политическим подавлением; изменилось в результате того, что, как опять-таки продемонстрировал Саид, националисты, настаивающие на примордиалистском истолковании феномена национальной общности, выступают не столько противниками, сколько сторонниками западной имперской экспансии; не меньшие изменения произошли и после того, как Саиду удалось фактически показать, что «местечки», содержащие все атрибуты нетронутости и своеобразности, могут превращаться в питательную среду для утверждения Единого Пространства.

После саидовской книги многое изменилось и в осознании форм взаимоотношений народов. Этничность, выступающая социокультурной категорией, оказалась противоположностью этноцентризма как категории, соотносящей происхождение с общностью почвы и равенством по крови. Конструктивизм начал бросать откровенный вызов примордиализму. Унифицирующая универсальность была понята как явная противоположность универсализуемой множественности. В качестве альтернативы войне универсалий, вершащейся под эгидой обоснования их иерархии, стало выдвигаться их мирное сосуществование. Жесткому разделению частей света – Севера и Юга, Запада и Востока – было противопоставлено взаимоналожение социальных и культурных сред.